

***Как языку обойтись без глаголов падения:
семантическое поле
неконтролируемого перемещения вниз
в агульском языке***

Т. И. Резникова

Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Москва; tanja.reznikova@gmail.com

С. Р. Мерданова

Институт языкознания РАН; merdanov@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена глаголам, выражающим семантику неконтролируемого движения вниз в агульском языке. Особенностью агульской системы является отсутствие специализированных лексических средств для идеи падения: перемещение под действием гравитации описывается дериватами от корней, означающих ‘попасть’, ‘удариться’, ‘оторвать’ и др., в сочетании с различными пространственными превербами. Несмотря на подобную необычность системы, принципы ее лексического членения хорошо согласуются с общетипологическими тенденциями. Совпадения с некоторыми каноническими моделями наблюдаются и в области метафорических переносов.

Ключевые слова: глаголы падения, агульский язык, метафоры падения, семантическая смежность.

***Doing without verbs of falling:
the semantic domain
of uncontrolled downward motion in Aghul***

T. I. Reznikova

National Research University Higher School of Economics, Moscow;
tanja.reznikova@gmail.com

S. R. Merdanova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, Moscow;
merdanov@rambler.ru

Abstract. The article focuses on verbs expressing the semantics of uncontrolled downward motion in the Aghul language. The peculiarity of the Aghul system is the lack of dedicated lexical means for the idea of falling: this kind of motion is described by stems that are derived from verbal roots meaning ‘to find oneself somewhere’, ‘to hit against smth’, ‘to tear off’, etc., which are combined with various spatial preverbs. Despite such an unusual system, the principles of its lexical division are in line with general typological trends. Out of four frames, which are cross-linguistically relevant for the domain of falling (motion from an upper surface, detaching, loss of a vertical orientation, and destruction), Aghul co-lexifies two — upper surface and detaching (both are encoded with the root *-arxas* ‘to find oneself somewhere’). Each of the two other frames uses several verbs which specify the type of trajector and/or the manner of motion. Thus, the loss of a vertical orientation is further subdivided into three zones, viz. non-specified falling of a person (*-urq’as* ‘hit against smth’), falling of a person backwards (*al-b-adarkas* ‘SUPER-UP-move’), and falling of an inanimate subject, which is lexically combined with falling of a person sideways (*al-at’as* ‘SUPER-tear_off’). Falling-destruction may be described by the verbs *ʃ’was* ‘go’, *ajč’was* ‘go out’, and *-uq’as* ‘sit down’, the choice of the verb here depends on the degree and nature of damage.

Semantic shifts have been discovered only for two of the verbs considered in the study (*-arxas* and *-urq’as*). Though these verbs in their basic meanings do not belong to the domain of falling, their shifts follow the same patterns as those observed for dedicated falling verbs, cf., e.g., the metaphors of getting into an unpleasant situation, falling behind a group, falling to one’s lot, the onset of a season or a daytime. Our data shows that the derivation of similar meanings from verbs of diverging semantics allows us to elucidate the motivation for each shift.

Keywords: verbs of falling, Aghul language, metaphors of falling, semantic adjacency.

1. Введение

В силу физического устройства мира падение относится к числу наиболее базовых ситуаций человеческого опыта. Лингвистическим отражением этого факта является принадлежность глагола с семантикой ‘падать’ к 200-словному списку Сводеша, представляющему самую ядерную лексику того или иного языка. На этом фоне логично было бы предположить, что глаголы падения типологически универсальны, т. е. в любом языке существует лексема, основное значение которой сводится к движению вниз под действием гравитации. Однако исследования в рамках проекта Московской лексико-типологической группы (MLexT), результаты которого собраны в этом выпуске, показали, что это не так:

в нашей выборке обнаружилось два языка, не имеющих специальной лексемы с семантикой неконтролируемого движения вниз. Под «специальными» мы здесь подразумеваем глаголы, у которых отсутствует иное семантическое ядро или более общее значение, нежели собственно падение. Оба языка без таких глаголов принадлежат к лезгинской ветви нахско-дагестанской семьи — это агульский и рутульский. Примечательно, что, несмотря на близкое генетическое родство, системы, функционирующие в этих двух языках в семантической зоне падения, — за исключением самого факта отсутствия специального глагола падения — существенно отличаются друг от друга (о расхождении лексических систем родственных языков на разном языковом материале см. [Рахилина, Прокофьева 2004, 2005; Majid et al 2007; Кашкин 2013; Рыжова, Станкович 2018]). Способам выражения идеи падения в рутульском посвящена статья П. Л. Наследской и И. В. Неткачева в этом выпуске, в нашей же статье речь пойдет о системе агульского языка.

Отсутствие специальных лексических средств для описания ситуации падения кажется типологически экзотичной чертой. Естественно было бы ожидать, что при таких условиях система выражения значений, относящихся к интересующему нас полю, организована принципиально иначе, чем в языках с «полноценным» глаголом падения. Однако, как мы покажем в своей статье, агульский полностью вписывается в «типологический канон»: несмотря на специфику конкретных лексических средств общие принципы лексикализации поля хорошо согласуются с наблюдениями, сделанными на материале более «стандартных» в этом отношении языков.

Все примеры в статье получены путем элицитации: носителям хпюкского говора агульского языка (к числу которых относится и один из авторов статьи) предъявлялись различные ситуации падения, включенные в общую для проекта анкету. Анализ полученных данных показал, что зона падения в рассматриваемом идиоме покрывается 8 глагольными корнями: *-arxas* ‘попасть куда-л.’ (ему будет посвящен *Раздел 2*), *-urq'as* ‘удариться’ (*Раздел 3*), *-adarkas* ‘двигать(ся)’ (*Раздел 4*), *-at't'as* ‘оторвать’ (*Раздел 5*), *ajč'was* ‘выходить’, *-uq'as* ‘сидеться’ (*Раздел 6*), *ɬwas* ‘идти’ (*Разделы 6 и 8*), *aqas* ‘сыпать’ (*Раздел 7*).

Большинство из названных корней являются связанными, т. е. всегда имеют при себе какой-либо пространственный преверб, влияющий на семантику результирующей основы. В этом смысле приведенные выше значения корней являются в значительной мере условными: они не характеризуют корень в чистом виде, а реализуются в контексте того

или иного преверба. Подробнее о семантике каждого из корней см. в соответствующем разделе.

Пространственные превербы в агульском делятся на два класса: со значением локализации (описывают область пространства, в которой находится или в которую / из которой перемещается участник ситуации) и направления (описывают траекторию перемещения участника ситуации). В структуре глагольной словоформы могут одновременно присутствовать оба типа аффиксов, при этом превербы локализации предшествуют показателям направления (подробнее см. [Майсак, Мерданова 2002]). Приведем здесь значения превербов, которые будут встречаться в последующих примерах:

Таблица 1. Превербы локализации

Table 1. Locative Preverbs

Преверб	Обозначение	Семантика
ʔ-	IN	‘внутри ориентира (контейнера)’
ʕ-	INTER	‘между частями ориентира; в ориентире-сплошной среде’
(a)l-	SUPER	‘на верхней поверхности ориентира’
k-	SUB/CONT	‘под ориентиром или вплотную к поверхности ориентира’
h-	ANTE	‘перед ориентиром’
q-	POST	‘позади ориентира’

Таблица 2. Превербы направления

Table 2. Directional Preverbs

Преверб	Обозначение	Семантика
ʁ-	UP	‘вверх по направлению к точке отсчета’
ad-	DOWN	‘вниз по направлению из точки отсчета’
aĩ-	OUT	‘наружу (часто с преодолением препятствия)’

Обратим особое внимание на локализацию IN. Формально она выражается гортанной смычкой, которая в превокальной позиции реализуется нулем звука. Поскольку глаголы нередко начинаются с гласного, то, соответственно, основа с инэссивным превербом часто совпадает с беспрефиксальной. Это приводит к тому, что наличие пространственного показателя IN в глагольной форме «забывается», т. е. инэссивная форма воспринимается как не имеющая при себе преверба. Проявлением этой тенденции становится «распатывание» синтаксического

управления: при глаголе с нулевым показателем может употребляться не только дополнение в инэссиве¹, как того требует инэссивный преверб, но и дополнения в других падежах. Так, глагол *uq'as* 'сидиться', содержащий, по-видимому, нулевой инэссивный аффикс (см. (1), где он употребляется с существительным в инэссиве), вполне допустим в контекстах с суперэссивным (2) или постэссивным (3) дополнением.

- (1) *kitan* (ʔ-)*uq'.u-naa* *aškafi(-ʔ)*
кот IN-сидиться.PF-PRF шкаф-IN
'Кот сидит в шкафу'.
- (2) *gada* (ʔ-)*uq'.u-ne* *ust̄uli-l*
мальчик IN-сидиться.PF-AOR стул / стол-SUPER
'Мальчик сел на стул'.
- (3) *gada* (ʔ-)*uq'.u-ne* *ust̄uli-q*
мальчик IN-сидиться.PF-AOR стул / стол-POST
'Мальчик сел за стол'.

Примечательно, что между конструкциями с одним и тем же падежным кодированием локативного участника, но с разными превербами при глагольном корне (с одной стороны, нулевым, с другой — согласующимся с именным показателем), может развиваться лексическое противопоставление. Так, ср. (2) выше, где при имени в суперэссиве выступает глагол с нулевым превербом, и (4), где суперэссив имени требует суперэссивного преверба при глаголе: как видно из этих примеров, (2) описывает более нейтральную ситуацию с человеком, а (4) — более специфическую ситуацию оседания пыли.

- (4) *rug* *al-uq'.u-ne* *ust̄uli-l*
пыль SUPER-сидиться.PF-AOR стул/стол-SUPER
'Пыль легла на стул'.

Таким образом, употребление инэссивной основы с нулевым показателем при разных падежах имени приводит к тому, что связанные корни постепенно переходят в разряд самостоятельных, а семантика инэссивных дериватов ассоциируется со значением самого корня.

¹ Заметим, что показателем инэссивного падежа имени также является гортанная смычка, которая в этой морфологической функции часто опускается, хотя в аналогичных фонетических условиях за пределами инэссивного маркера ее произнесение является обязательным.

Именно поэтому, говоря в дальнейшем о значении связанных корней, мы будем в большинстве случаев опираться на их наиболее нейтральную инэссивную форму.

Итак, обсудив некоторые грамматические особенности агульской глагольной системы, релевантные для нашего исследования, перейдем к обсуждению отдельных глаголов.

2. *-arxas*: падение с возвышения и открепление

Корень *-arxas* подразумевает, что субъект неожиданно оказывается где-л., ср. в сочетании с инэссивным превербом:

- (5) *gada sadpuna šahardi(-?) (?-)arx.u-ne*
 мальчик вдруг город-IN IN-попасть.PF-AOR

‘Мальчик вдруг попал в город’.

- (6) *kūlev uluda(-?) (?-)arx.u-ne*
 бусинка дыра-IN IN-попасть.PF-AOR

‘Бусинка попала в щель’.

При помощи этого корня описываются прототипические ситуации падения — перемещение из более высокой точки пространства в более низкую. Тем самым падение в агульском, в отличие от более стандартных случаев, наблюдаемых в других языках, осознается не как особый вид движения (т. е. с особой траекторией, под действием гравитации), а как один из способов неконтролируемо переместиться из начальной точки в конечную (при этом неважно, двигался ли субъект сверху вниз или как-либо еще).

Семантику падения корень *-arxas* может описывать посредством различных превербов. Среди самых частотных в этом контексте — *al-*, задающий идею поверхности. Речь может идти как о поверхности, с которой падает субъект (см. (7), (9)), так и о поверхности, на которой субъект оказывается в результате перемещения (см. (8)). Сам субъект при этом может быть и неодушевленным (7), (8), и одушевленным (9).

- (7) *šūše al-arx.u-na usūli-l-as*
 бутылка SUPER-попасть.PF-CONV стул / стол-SUPER-ELAT

arʕu-ne
 разбивать(ся)-AOR

‘Бутылка упала со стола и разбилась’.

- (8) *vʷan al-arx.u-ne žili-l*
 камень SUPER-попасть.PF-AOR пол-SUPER
 ‘Камень упал на пол’.
- (9) *če dad-a vʷadi-l-as*
 наш(EXCL) папа-ERG крыша-SUPER-ELAT
l-arx.u-na lak arʕ.u-ne
 SUPER-попасть.PF-CONV нога разбивать(ся).PF-AOR
 ‘Наш папа упал с крыши и сломал ногу’.

Начальной точкой падения в случае *-arxas* может выступать не только поверхность, но и контейнер. В этом случае глагол выступает с нулевым инэссивным показателем и директивным превербом *ad-*, указывающим на перемещение вниз:

- (10) *čark̄ʷ (?-)ad-arx.u-ne tigu(-?)-as*
 птенец IN-DOWN-попасть.PF-AOR гнездо-IN-ELAT
 ‘Птенец выпал из гнезда’.

Наконец, субъект может быть закреплен в исходной позиции, т. е. *-arxas* наряду с центральным фреймом (падения сверху) покрывает еще и фрейм ‘открепление’. Такая колексификация вполне закономерна: в результате открепления субъект тоже совершает движение сверху вниз. Речь может идти как о слабом сцеплении (шляпа слетела с головы, см. (11)) или плотном контакте (кольцо соскочило с пальца, см. (12)), так и о специально зафиксированных объектах (веревка сорвалась с гвоздя, (13)). Выбор преверба при *-arxas* зависит от типа контакта субъекта с начальной точкой (в частности, исходную фиксацию субъекта отражает преверб *aṭ-*, указывающий на наличие препятствий при откреплении).

- (11) *kʷukʷ l-arx.u-ne kʷili-l-as*
 шапка SUPER-попасть.PF-AOR голова-SUPER-ELAT
 ‘Шапка слетела с головы’.
- (12) *tʷubal l-arx.u-ne tʷubu-l-as*
 кольцо SUPER-попасть.PF-AOR палец-SUPER-ELAT
 ‘Кольцо соскочило с пальца’.
- (13) *ʔüb q-aṭ-arx.u-ne miçi-q-as*
 веревка POST-OUT-попасть.PF-AOR гвоздь-POST-ELAT
 ‘Веревка сорвалась с гвоздя’.

Итак, *-arxas* покрывает два из четырех фреймов, выделяемых для зоны падения: перемещение сверху и укрепление — и тем самым имеет самую широкую семантику среди всех глаголов, функционирующих в агульском в этой зоне. Остальные лексемы «специализируются» лишь на каком-либо фрагменте того или иного фрейма.

Но все же *-arxas* далек от статуса доминантного. Во-первых, в тех фреймах, которые он описывает, выделяются подзоны, которые ему «недоступны»: это осадки, множественные предметы и жидкости. Для осадков используется глагол *иваа* ‘лить с неба’, от которого образовано существительное *ивал* ‘дождь’. При этом в позиции субъекта при *иваа* может выступать не только собственно дождь, но и другие осадки, ср. снег и град:

(14) *ивал* *ив.а-а*
дождь лить_с_неба.IPF-PRS
‘Идет дождь’.

(15) *ixp̄* *ив.а-а*
снег лить_с_неба.IPF-PRS
‘Идет снег’.

(16) *хар* *ив.а-а*
град лить_с_неба.IPF-PRS
‘Идет град’.

Падение множественных объектов (например, выпадение различных предметов из сумки или отделение закрепленных объектов, как в случае нескольких зубов) описывается корнем *-aqas* ‘сыпать’ (см. о нем подробнее в *Разделе 7*). Перемещение вниз жидкостей задается глаголом ζ^{was} ‘идти’ (*Раздел 8*).

Во-вторых, для двух других фреймов — потери вертикальной ориентации и разрушения — употребление *-arxas* нехарактерно. Первый из них задействует корни *-urq'as* ‘удариться’ (*Раздел 3*), *-adarkas* ‘двигать(ся)’ (*Раздел 4*) и *-at'i'as* ‘отделить’ (*Раздел 5*), противопоставляя потерю вертикальной ориентации для людей и неодушевленных объектов и лексически выделяя падение человека навзничь. Второй фрейм может выражаться глаголами ζ^{was} ‘идти’, *ajč'was* ‘выходить’, *-uq'as* ‘сесть’: выбор лексемы зависит от конкретного типа разрушения (*Раздел 6*).

3. *-urq'as*: потеря вертикальной ориентации (о человеке)

В своем основном значении корень *-urq'as* описывает «жесткое» соприкосновение одного объекта (траектора) с другим (ориентиром), ср. рус. *удариться*. В роли траектора может выступать как человек или часть его тела (см. (17)), так и неодушевленный объект (см. (18)), а ориентиром может служить как вертикальная, так и горизонтальная поверхность (см. (19)):

- (17) *ze χil cili-q q-urq'.u-ne*
 мой рука стена-POST POST-удариться.PF-AOR
 ‘Я ударился рукой о стенку’ (букв. «моя рука ударилась о стенку»).
- (18) *tup̄ aškāfi(-?) (?-urq'.u-ne*
 мяч шкаф-IN IN-удариться.PF-AOR
 ‘Мяч ударился о шкаф’.
- (19) *κ^wan žili-l / cili-l l-urq'.u-ne*
 камень пол-SUPER / стена-SUPER SUPER-удариться.PF-AOR
 ‘Камень ударился об пол / о стенку’.

Такому соударению обычно предшествует движение траектора. Оно может быть обусловлено разными обстоятельствами — в частности, траектор может удариться о поверхность в результате его целенаправленного бросания. Но если речь идет о горизонтальном ориентире, то вполне вероятно, что соударение происходит как следствие падения. Тем самым определенный подкласс ситуаций столкновения с поверхностью оказывается естественным образом смежным с падением. По сути в подобных случаях глаголы падения и соударения описывают одну и ту же ситуацию, только последние профилируют в ней момент окончания движения — именно в этот момент и происходит удар о поверхность. Собственно же идея предшествующего движения для таких глаголов содержится в презумптивной части толкования.

На синтаксическом уровне выделенность конечной точки для глаголов соударения проявляется в том, что поверхность, о которую ударяется объект, обязательно должна быть названа в предложении (аналогично ведет себя русский глагол *ударяться* в значении ‘натолкнуться на что-л.’: при нем обязательна предложная группа, называющая

ориентир, ср. *камень ударился об стену* vs **камень ударился*). Тем самым, если при *-urq'as* эксплицитно выражен ориентир, то конструкция описывает не собственно падение, а именно столкновение, пусть даже речь и идет о горизонтальной поверхности.

Между тем, имеется один тип контекста, в котором дополнение, называющее ориентир, может отсутствовать: если субъектом ситуации выступает человек. Заметим, что и русский глагол *удариться*, аналогично с которым мы приводили выше, допускает отсутствие локативного участника именно с субъектом-человеком, ср. *ребенок ударился и плачет*. В обоих языках мена синтаксической конструкции — в полном соответствии с основными положениями Грамматики конструкций (см., в частности, [Goldberg 1995]) — свидетельствует о сдвиге значения лексемы. Только в русском глагол в подобном контексте сдвигается в сторону болевого предиката, а в агульском — приобретает интересующую нас здесь семантику падения, ср.:

(20) *lak k-eĭ-arch.u-na al-urq'.u-ne zun*
нога SUB/CONT-OUT-попасть.PF-CONV SUPER-удариться.PF-AOR я
'Я упал, подвернув ногу'.

(21) *habaw-a al-urq'.u-na χil arġ.u-ne*
бабушка-ERG SUPER-удариться.PF-CONV рука разбивать(ся).PF-AOR
'Бабушка упала и сломала руку'.

Итак, *-urq'as* как глагол падения покрывает часть фрейма 'потеря вертикальной ориентации', а именно, описывает ситуации, субъектом которых выступает человек.

4. *-adarkas*: потеря вертикальной ориентации (о падении человека навзничь)

Корень *-adarkas* выступает в сочетании с несколькими превербами, при этом семантика каждого деривата в значительной степени лексикализована. Тем не менее в значении разных производных основ этого корня можно выделить общую идею: как правило, речь идет о движении, связанном с изменением ориентации траектора², ср.:

² В глоссах для *-adarkas* мы приводим условный перевод 'двигать(ся)'.

- (22) *zun ag.u-f h-udark.u-na*
я видеть.PF-A ANTE-двигать(ся).PF-CONV

qu-šu-ne ge
RE-уходить:PF-AOR он

‘Увидев меня, он развернулся и ушел’.

- (23) *guni v-adark.u-na k̄ande*
хлеб UP-двигать(ся).PF-CONV нужно

‘Хлеб надо перевернуть’.

- (24) *ħap'a ğ-adark*
каша INTER-двигать(ся):IMP

‘Помешай кашу’.

Один из таких префиксальных дериватов корня *-adarkas* относится к зоне падения, а именно, его сочетание с локативным превербом *al-*, выражающим идею поверхности, и директивным *v-*, подразумевающим, как ни странно, движение вверх. Результирующая основа описывает особый тип потери вертикальной ориентации субъектом-человеком — падение навзничь. По-видимому, употребление преверба *v-*, задающего перемещение вверх, т. е. в обратном направлении от того, которое предполагает ситуация в целом, мотивировано ориентацией лица субъекта в момент падения: когда голова человека запрокидывается назад, лицо как бы перемещается наверх — траекторией этого движения и обусловлено использование *v-*:

- (25) *ħurur alviš.i-f al-v-adark.u-ne ge*
собака:PL наброситься.PF-A SUPER-UP-двигать(ся).PF-AOR он

‘Собаки набросились, и он упал навзничь’.

5. *-at't'as*: потеря вертикальной ориентации (неодушевленные субъекты и падение человека набок)

Корень *-at't'as* в сочетании с различными превербами подразумевает агентивное отделение (при помощи рук) части объекта от целого или одного объекта от другого, ср.:

- (26) *sa q'ac' guni k-et't'.u-ne ruš-a*
 один кусок хлеб SUB/CONT-оторвать.PF-AOR девочка-ERG
 'Девочка оторвала один кусок хлеба'.
- (27) *gada šu-ne gewur ʃ-at't'.a-s*
 сын уходить:PF-AOR они INTER-оторвать.IPF-INF
 'Сын пошел их разнять'.

Однако глагол, образованный от *-at't'as* посредством преверба *al-* (локализация на поверхности ориентира), описывает, напротив, неконтролируемую ситуацию — потерю вертикальной ориентации. По-видимому, идея отделения, характерная для семантики корня, воспроизводится здесь как отделение субъекта от опоры, т. е. потеря контакта между его нижней частью и поверхностью, вследствие чего и происходит падение. Субъектами при *alat't'as* могут выступать, во-первых, неодушевленные предметы разных типов — в том числе, например, деревья (как срубаемые топором, так и вырываемые с корнем, см. (28)) или наполненные контейнеры (29), а во-вторых, люди, если они заваливаются набок — прежде всего при неуверенной ходьбе, ср. о ребенке, который учится ходить (30), или пьяном (31):

- (28) *kulak-i dar al-at't'.a-s*
 ветер-ERG дерево SUPER-оторвать.IPF-INF
aq'.u-ne
 делать.PF-AOR
 'Ветер повалил дерево'.
- (29) *šüše al-at't'.u-na,*
 бутылка SUPER-оторвать.PF-CONV
čexir añuz.u-ne sufraji-l-di
 вино выливаться.PF-AOR скатерть-SUPER-LAT
 'Бутылка упала, и вино вылилось на скатерть'.
- (30) *šünüñ l-at't'.a-se, fac-e ge*
 ребенок SUPER-оторвать.IPF-FUT держать-IMP он
 'Ребенок упадет, возьми его'.
- (31) *ge ux.u-na al-at't'.a-j –*
 он пить.PF-CONV SUPER-оторвать.IPF-CONV
al-at't'.a-j qaj-ne xula-s
 SUPER-оторвать.IPF-CONV вернуться:PF-AOR дом-DAT
 'Выпив, он, шатаясь (букв. «падая-падая») вернулся домой'.

6. *ʕwas*, *ajčʷas*, *-uqʷas*: разрушение

Для описания ситуации обрушения (дома, моста, берега) используются главным образом два глагола: *ʕwas* ‘идти’ и *ajčʷas* ‘выходить’. Периферийно в контекстах, характеризующих повреждение построек, может выступать глагол *-uqʷas* ‘сесть’.

Лексема *ʕwas* в своем исходном значении — это основное средство для выражения целенаправленного пешего движения человека (‘идти’); перфективных основ у данного глагола две, одна обозначает удаление (*ušu-*), другая приближение (*adi-*). Дериват от *ʕwas* (*ušu-*) с превербальным комплексом *aha*³ обозначает неконтролируемое разрушение объектов различных типов. При таком разрушении весь объект целиком как бы оседает вниз, так что в итоге от него остается только мелкая труха, ср.:

- (32) *sel-ler* *ušu-na* *χal* *ahaj-šū-ne*
 ливень-PL уходить:PF-CONV дом PRV-уходить:PF-AOR
 ‘Сошли сели, и дом разрушился’.

Второй глагол — *ajčʷas* — исторически образован при помощи преверба *aī-*, указывающего на движение из контейнера, и синхронно используется как основной глагол для обозначения движения человека изнутри наружу (‘выходить, вылезать’). В зоне разрушения *ajčʷas*, в отличие от *ahaʕwas*, необязательно предполагает полное исчезновение конструкции: речь может идти об обрушении крыши, возникновении трещин и т. п. Такой характер разрушения может быть вызван, например, землетрясением:

- (33) *žil-ar* *zurzu-guna* *gewuri-n* *χul-ar* *ajčʷ.u-ne*
 земля-PL дрожать-когда они-GEN дом-PL выходить:PF-AOR
 ‘Во время землетрясения (букв. «когда земля дрожала») их дома разрушились’.

³ Природа этого превербального комплекса не вполне ясна. Одной из его составляющих определенно является преверб со значением ‘перед ориентиром’, поскольку только он может мотивировать появление *-h-*. По семантическим соображениям в составе этого комплекса можно было бы усматривать директивный преверб *ad-* ‘вниз’, однако на нынешнем этапе нам не хватает данных, чтобы доказать присутствие *ad-* на фонетическом уровне, т. е. объяснить превращение сочетания *h -+ ad-* в *aha(ji)-*.

Наконец, третий глагол — *-uq 'as* — исходно описывает переход человека в сидячее положение ('садиться'). При существительном, обозначающем постройку, глагол выражает идею частичного повреждения, которое не всегда подразумевает собственно разрушение. Причиной подобной ситуации могут выступать, например, некачественные строительные работы:

- (34) *cil uq'u-ne*
 стена садиться.PF-AOR
 'Стена просела'.

7. *-aqas*: сыпучие вещества и множественные субъекты

В сочетании с нейтральным инэссивным превербом *aqas* употребляется только в каузативных контекстах, предполагающих агентивного участника, перемещающего вещество в какую-л. емкость ('сыпать' / 'насыпать'). Однако некоторые производные этого корня (в том числе и интересующие нас здесь сочетания с превербами *ad-* 'вниз' и *(a)l-* 'на верхней поверхности ориентира' функционируют как лабильные глаголы. В непереходных конструкциях *-aqas* описывает вертикальное движение сыпучих веществ (35), а также совокупностей более крупных, в том числе и разнородных субъектов (36).

- (35) *šakar (?-)ad-aq.a-a* *čuwali(-?)-as*
 сахар IN-DOWN-сыпать.IPF-PRS мешок-IN-ELAT
 'Сахар просыпается из мешка'.

- (36) *puq-pisir l-aq.u-naa* *žili-l*
 мусор SUPER-сыпать.PF-PRF пол-SUPER
 'По полу рассыпан мусор'.

Этим же корнем выражается падение множественных закрепленных субъектов, ср. о зубах или яблоках (37), (38). При этом, поскольку глагол специализируется на совокупностях, вполне ожидаемо, что по отношению к одному зубу или одному яблоку употребить его нельзя (39), (40): к ним применим только корень *-arxas* (см. *Раздел 2*).

- (37) *uq̄.a araji wuri silew-ar*
 драться.IPF(PTCP1) во.время все зуб-PL

(*ʔ*-)ad-aq.u-ne ge gadaji-n
 IN-DOWN-сыпать.PF-AOR ЭТОТ мальчик-GEN

‘Во время драки у мальчика выпали все зубы’.

(38) nač-ar al-aq.u-ne dara-l-as
 яблоко-PL SUPER-сыпать.PF-AOR дерево-SUPER-ELAT

‘Яблоки осыпались с дерева’.

(39) gadaji-n t’uš.a-je silew
 мальчик-GEN шататься.IPF-PTCP2 зуб

(*ʔ*-)aī-arx.u-ne / *(*ʔ*-)aī-aq.u-ne
 IN-OUT-попасть.PF-AOR / IN-OUT-сыпать.PF-AOR

‘Шатавшийся зуб мальчика выпал’.

(40) nač (*ʔ*-)ad-arx.u-ne / *(*ʔ*-)ad-aq.u-ne bedraji-s
 яблоко IN-DOWN-попасть.PF-AOR / IN-DOWN-сыпать.PF-AOR ведро-DAT

‘Яблоко упало в ведро’.

Обратим внимание, что в агульском потеря волос не коллексифицируется с выпадением зубов (ср. здесь русский, в котором для обеих ситуаций используется глагол *выпадать*). Иными словами, волосы не описываются корнем *-aqas*: они не ‘сыплются’, а ‘идут’ — такие контексты мы рассмотрим в следующем разделе.

8. *ʕwas*: жидкости и волосы

Глагол *ʕwas* ‘идти’ и его производный *ahaʕwas* мы уже обсуждали в Разделе 6 в связи с фреймом разрушения. Здесь речь пойдет о двух других типах его употребления, где он выступает либо в своем беспрефиксальном варианте, либо в сочетании с превербами *al-* и *ad-*.

Во-первых, это упоминавшаяся только что сочетаемость с существительным ‘волосы’:

(41) bawa-n č’ar šu-ne
 мама-GEN волос уходить.PF-AOR

‘У мамы выпали волосы’.

(42) ze č’ar-ar ala-ʕwa-a
 мой волос-PL SUPER-идти:IPF-PRS

‘У меня волосы лезут’.

Во-вторых, ζ^{was} используется как глагол движения жидкостей, ср. контексты, характеризующие переливание через край (43) и перемещение сверху вниз (44). Тем самым, в отличие от некоторых других языков (в частности, английского, баскского, корейского), жидкости лексически не совмещаются с сыпучими веществами, которые, как мы видели в Разделе 7, задаются лексемой *-aqas*:

(43) *dixi, c'aj ketat, nek̄ ala-ζ^{wa}-se*
 INTJ огонь погасить:IMP молоко SUPER:DOWN-идти:IPF-FUT
 ‘Иди погаси огонь, молоко убежит’.

(44) *dahari(-?)-as aq c'ade xed (?)ada-ζ^{wa}-a*
 гора-IN-ELAT вниз чистый вода IN-DOWN-идти:IPF-PRS
 ‘С горы вниз стекает кристально чистая вода’.

Итак, агульский язык в зоне падения реализует дистрибутивную систему лексикализации поля, правда, не в самом строгом варианте: противопоставленными здесь оказываются не все четыре фрейма — для двух из них (падения сверху и открепления) используется общее лексическое средство. Две остальные подзоны — потеря вертикальной ориентации и разрушение — напротив, членятся на более дробные участки. Для вертикального падения значимыми являются одушевленность субъекта и — в случае человека — ориентация движения, для разрушения — характер и степень повреждения. Кроме того, специальный глагол используется для сыпучих веществ (он же описывает падение множественных субъектов), к жидкостям же применяется глагол движения общей семантики.

9. Переносные употребления

Обсуждение прямых значений мы начали с того, что в агульском языке отсутствуют специализированные глаголы падения. Этот факт неизбежно вызывает вопрос, насколько целесообразно для типологии падения исследовать переносные употребления агульских глаголов. Действительно, ведь типология метафор ориентирована прежде всего на поиск регулярных моделей семантических сдвигов. Но если в агульском источнике выступают не лексемы с семантикой ‘падать’, а глаголы ‘попасть’, ‘оторваться’ или ‘идти’, то сопоставление моделей,

казалось бы, лишается смысла: если исходные значения не совпадают, то и результаты сдвига должны быть разными.

И тем не менее выясняется, что многие производные значения агульских глаголов хорошо согласуются с переносами, засвидетельствованными в других языках для лексем собственно падения. Это касается главным образом двух из обсуждавшихся выше глагольных корней: *-arxas* ‘попасть’ и *-urq'as* ‘удариться’. Рассмотрим последовательно результаты семантических сдвигов этих глаголов и обсудим, чем мотивировано сходство моделей для лексем разных семантических полей.

9.1. Попадание в неприятную ситуацию

Ситуация, при которой субъект оказывается в неприятном положении, является естественным метафорическим расширением для неожиданного попадания в какое-л. место: при таком развитии неприятное положение просто осмысливается как место, где начинает находиться субъект. В этом смысле для глагола *-arxas* ‘неожиданно попасть куда-л.’ вполне предсказуема метафорическая семантика ‘оказаться в неприятной ситуации’, ср. ее реализацию в контексте преверба *ʕ-*, указывающего на положение между частями ориентира (в данном случае — среди «некрасивых дел»):

- (45) *hage ʕ'irne kur-ari-ʕ te ruʃ=ra*
 этот некрасивый дело-PL-INTER тот девушка=ADD

ʕ-arx.u-ne

INTER-попасть.PF-AOR

‘Та девушка тоже попала в эту грязную историю’.

Примечательно, однако, что сходную семантику нередко развивают и прототипические глаголы падения: ср., например, *tomber* во французском или *paṛviṇ* в гуджарати (см. статью Л. В. Хохловой в этом выпуске). Несмотря на очевидное различие в начальных значениях между ‘падать’ (как во французском или хинди) и ‘оказаться’ (как в агульском), оба типа переходов мотивированы общей идеей. Дело в том, что в случае ‘падать’ сдвиг основан на профилировании конечной точки движения: в этот момент субъект начинает находиться в новом месте, т. е. данный фрагмент ситуации падения почти повторяет

семантику ‘оказаться’, так что возникновение общего переносного значения вполне закономерно.

Правда, результирующая семантика подразумевает не просто попадание в какое-то положение — речь идет об отрицательно оцениваемой ситуации, и механизм появления этой оценки, вероятно, для двух случаев несколько различается. В случае ‘оказаться’ представление о неприятном характере положения возникает, по-видимому, за счет семантики неожиданности и неконтролируемости, встроенной в физическое значение глагола: внезапность наступающей ситуации и невозможность на нее повлиять обуславливает ее нежелательность для субъекта. Для падения полярность оценки определяется не только неожиданностью и неконтролируемостью, но и известной метафорой «хорошее ориентировано вверх, плохое — вниз» [Lakoff, Johnson 1980]: исходная идея падения предполагает, что место, в котором начинает находиться субъект, расположено внизу, а низкое место ассоциируется с отрицательной оценкой положения.

9.2. Выпадение из последовательности, общности

В сочетании с превербом *aī-* ‘движение наружу (с преодолением препятствия)’ корень *-arxas* ‘неожиданно попасть куда-л.’ выражает метафору, на которой во многих других языках специализируются глаголы падения, описывающие перемещение вниз из контейнера. При этом переносе некоторая упорядоченная последовательность (например, слово как очередность букв, какой-либо список) или движущееся множество (например, группа людей) осмысливается как контейнер, содержащий соответствующие компоненты (буквы, элементы списка, членов группы). Тем самым выпадением из контейнера метафорически признается пропуск буквы в слове или элемента в списке, а также отставание человека от группы (в том числе не физическое запаздывание, а неуспеваемость в учебе и под.):

(46) *sa narf ʕ-aī-arx.u-ne tūra(-ʔ)-as*
 один буква INTER-OUT-попасть.PF-AOR имя-IN-ELAT
 ‘Из имени выпала одна буква’.

(47) *zun q-aī-arx.u-ne ʕe klasi-q-as*
 я POST-OUT-попасть.PF-AOR наш(EXCL) класс-POST-ELAT
 ‘Я отстал от своего класса’.

Обратим внимание, что помимо директивного $a\bar{i}$ - глаголы в (46)–(47) содержат еще и превербы со значением локализации, уточняющие положение субъекта в начальной или конечной точке метафорического движения. В (46) субъект исходно находится среди других букв (преверб INTER). В (47) субъект в результате оказывается позади других элементов группы (преверб POST).

Множество может состоять не из конкретных элементов, а из абстрактных сущностей — в частности, из информации, хранящейся в контейнере-голове. Выпадение из такого контейнера интерпретируется как забывание:

- (48) *ze k'ili(-ʔ)-as (ʔ)-aṯ-*arx.u-ne**
 мой голова-IN-ELAT IN-OUT-попасть PF-AOR
 ‘Я забыл’.

Близкое употребление характерно и для русского, ср. *вылетело из головы*. Правда, в агульском метафорическом месте хранения информации (а не чувств, как в русском) может выступать еще и сердце. Более того, именно ‘сердце’ выступает в конструкции, являющейся основным способом для описания ситуации ‘забыть’ (букв. ‘уйти из сердца’):

- (49) *ze jurk'ura-l-as aṯ-aṯ-*arxu-ne* / uṣu-ne*
 мой сердце-SUPER-ELAT SUPER-OUT-попасть-PRF / уходить:PF-PRF
 ‘Я забыл’.

Общность метафор для $a\bar{i}$ -*arxas* и собственно глаголов выпадения в этой зоне легко объяснима. Ситуация выпадения предполагает две фазы: перемещение из контейнера наружу и последующее движение вниз. Для рассматриваемой метафоры значимой является не столько идея движения вниз, сколько перемещение из контейнера наружу — именно ее, в свою очередь, и выражает $a\bar{i}$ -*arxas*. Любопытно при этом, что в прототипической ситуации выпадения (например, если птенец падает из гнезда, см. пример (10)) $a\bar{i}$ -*arxas* как раз не употребляется: семантика преверба подразумевает преодоление препятствий, т. е. субъект должен быть закреплен в контейнере, чтобы к нему можно было применить $a\bar{i}$ -*arxas* (см. пример (39) о выпавшем зубе). Иными словами, буквы или ученики метафорически концептуализуются как жестко фиксированное содержимое соответствующего контейнера — слова или класса.

9.3. Психическое расстройство

Эту семантику выражает идиоматичное сочетание двух антонимичных глаголов с корнем *-arxas*, а именно: *arxas* (с нулевым инэссивным превербом) и *aī-arxas* (с директивным превербом ‘наружу’, см. об этом деривате также в предыдущем разделе). Субъектом (т. е. тем, кто попадает куда-л. и выпадает откуда-л.) в этом метафорическом контексте выступает человек, а подразумеваемым контейнером (он не получает выражение в предложении), по-видимому, состояние, при котором человек способен адекватно вести себя и воспринимать окружающую его реальность. Тем самым сочетание двух глаголов, оформляемое хаби-туальным показателем, указывает на то, что человек временами «попадает» в нормальное психическое состояние, а временами — «выпадает» из него:

- (50) *gi-n k'il iže adawa, ge*
 он-GEN голова хороший быть:NEG он
jav-di (?-arx.a-j (?-aī-arx.a-je
 день-ADV IN-попасть.IPF-CONV IN-OUT-попасть.IPF -НАВ
 ‘У него с головой плохо, он все время то в норме, то неадекватный’.

9.4. Выпадение жребия

Это значение предполагает ситуацию выбора, при которой из нескольких опций случайным образом выбирается одна. В таких контекстах *-arxas* также выступает в сочетании с превербом *aī-* ‘наружу’, при этом, как и при описании психического расстройства, контейнер, из которого выпадает субъект, не получает выражения (ср. в русском использование с близким значением приставочного глагола *выпасть* — заметим, что при нем тоже невозможно указать на контейнер):

- (51) *ze īur (?-aī-arx.u-ne*
 мой имя IN-OUT-попасть.PF-AOR
 ‘Выбор пал на меня (букв. «Мое имя выпало»)’.
- (52) *za-s qān=na řafudru čislu (?-aī-arx.u-ne*
 я-ДАТ двадцать=и пятый число IN-OUT-попасть.PF-AOR

nir̄-ari-q $\zeta^{\text{wa-s}}$
 овца-PL-POST идти:IPF-INF

‘Мне выпало пасти овец 25-го числа’.

Итак, мы обсудили четыре метафорических употребления, характерных для корня *-arxas* в сочетании с различными превербами: попадание в неприятную ситуацию, выпадение из последовательности или множества, психическое расстройство (т. е. попадание и выпадение из нормального душевного состояния) и жребий. Далее речь пойдет о значениях, которые развивают глаголы с корнем *-urq'as* ‘удариться’.

9.5. Восприятие звука

Субъектом этой метафорической ситуации, выражаемой корнем *-urq'as* в сочетании с инэссивным превербом, выступает звук, который «ударяется» об ухо (букв. «в ухо») экспериенцера: имеется в виду, что человек неожиданно что-то слышит:

(53) *sadr̄puna ze ubur-ari un (?-)urq'.u-ne*
 вдруг мой ухо-PL(IN) звук IN-удариться.PF-AOR

‘Вдруг до моих ушей донесся звук’.

Аналогичные переносные употребления встречаются и у глаголов падения, ср., например, *parṇā* в хинди [см. статью Л. В. Хохловой в этом выпуске] или *furu* в японском [см. статью А. С. Паниной в этом выпуске]. При таком семантическом сдвиге профилированным в ситуации падения оказывается момент соприкосновения субъекта с конечной поверхностью: если звук доносится до экспериенцера, это значит, что он достигает конечной точки своего «движения». Эта идея столкновения с поверхностью, в свою очередь, является центральной для агульского источника обсуждаемой метафоры — глагола ‘удариться обо что-л.’ Тем самым опять же сходство результирующего значения, развиваемого собственно глаголами падения и агульской лексемой из смежного семантического поля, обусловлено общей основой для метафорического сдвига.

Правда, изначальная идея движения сверху, характерная для падения и отсутствующая в ‘удариться’, может проявляться в дополнительных свойствах производной ситуации. Так, японский *furu* — в соответствии с исходным значением — предполагает, что воспринимаемый

звук доносится сверху; для агульского же такое ограничение, естественно, нерелевантно.

9.6. Наступление сезона / времени суток, совпадение дат с определенными днями

Корень *-urq'as* в сочетании с суперэссивным превербом выражает еще одно метафорическое значение, засвидетельствованное для глаголов падения. В сочетании с субъектами-наименованиями времен года, суток, сезонных погодных условий этот глагол описывает наступление соответствующего периода:

- (54) *sadpuna ʔiʃ (jav / mek'-er / xid / cul / ʒul)*
вдруг ночь / холод-PL / весна / осень / лето)

l-urq'.u-ne

SUPER-удариться.PF-AOR

‘Вдруг настала ночь (день / холода / весна / осень / лето)’.

Обратим внимание, что в таком контексте не выражается участник-ориентир. Он присутствует в тех случаях, когда речь идет о совпадении даты, праздника с определенным днем:

- (55) *s'aje is waʒadnu jawa-l l-urq'.u-ne*
новый год выходной день-SUPER SUPER-удариться.PF-AOR

‘Новый год пришелся на выходной день’.

9.7. Возникновение неприятных обязанностей

В подобных контекстах субъектом при *al-urq'as* (SUPER + *-urq'as*) выступает работа, дело, а ориентиром (метафорической поверхностью, подвергающейся удару) — человек, которому предстоит выполнить соответствующие обязательства. Такое употребление подразумевает, что дело воспринимается как неприятное:

- (56) *me kar=ra za-l l-urq'.u-ne*
этот работа=ADD я-SUPER SUPER-удариться.PF-AOR

‘Эта работа тоже на меня свалилась’.

Сходная метафора характерна и для глаголов падения (ср. рус. *свалиться*). Общность модели, как и в случае с восприятием звука, как

кажется, связана с моментом контакта субъекта с ориентиром: и падение на человека, и удар об него предполагают неприятное столкновение — оно и мотивирует идею неожиданности и отрицательной оценки ситуации.

9.8. Просьба о разрешении

Сочетание суперэссивного преверба с корнем *-urq'as* участвует также в выражении типологически необычной семантики, относящейся к сфере взаимодействия между двумя людьми. Если один человек «ударяется» о другого, это означает, что первый спрашивает у второго разрешения на какое-то действие:

- (57) *na-l l-urq'u-na šu-ne wun gič?*
 кто-SUPER SUPER-удариться.PF-CONV уходить-AOR ты туда
 ‘Кто дал тебе разрешение пойти туда? (букв. «На кого упав, пошел ты туда?»)’

Хотя такое специфическое употребление в других языках нам не встретилось, стоящая за ним идея случайного обнаружения кого-л. или чего-л. (в данном случае — человека, у которого субъект спрашивает разрешения) реализуется в некоторых метафорах, типологически засвидетельствованных у глаголов падения, ср. франц. *tomber sur qn / qch* ‘падать на кого-л. / что-л.’ в значении ‘наткнуться на кого-л. / что-л.’ или адыг. *tjefe-* ‘падать на’ в значении ‘встретить на жизненном пути’ (см. статью Е. В. Рахилиной, Т. И. Резниковой Д. А. Рыжовой «Метафоры глаголов падения» в этом выпуске).

Идея случайного обнаружения характерна и для другого контекста, в котором используется сам агульский глагол *al-urq'as*: так могут описываться найденные следы:

- (58) *šurčaqan žinawurdi-n gelu-l l-urq'u-ne*
 охотник волк-GEN след-SUPER SUPER-удариться.PF-AOR
 ‘Охотник напал на след волка’.

Правда, нам не удалось выявить другие объекты, которые могут выступать в подобном употреблении при *al-urq'as*, так что, возможно, этот контекст обусловлен калькированием с русского (ср. *напасть на след*).

Итак, *-urq'as* в переносных значениях может описывать достигающий экспериенцера звук, наступающее время года и суток, сваливающуюся на кого-л. работу и спрашивающего разрешение человека.

В целом же агульские семантические сдвиги дают чрезвычайно ценный материал для типологического изучения метафор падения — и, как это ни парадоксально, — во многом благодаря тому, что собственно глаголов неконтролируемого перемещения вниз в агульском нет. Выражая те же переносные значения, что и некоторые из глаголов падения в других языках и задействуя при этом в качестве источника лексемы из смежных семантических полей, агульский каждый раз «высвечивает» те аспекты ситуации падения, которые релевантны для данного пути метафорического развития, и тем самым позволяет точнее определить, чем он мотивирован.

Так, сопоставляя семантику падения, во-первых, с идеей попадания в неприятное состояние, а во-вторых — с возникновением работы, мы понимаем, что оба перехода основаны на профилировании конечной точки движения: именно в конце метафорического перемещения человек оказывается в нежелательном положении, а работа включается в круг обязанностей исполнителя. Тем не менее характер профилирования для двух переносов различен, и это различие хорошо видно при сравнении агульских источников соответствующих значений. При падении в неприятное состояние значимо то, что субъект, достигая конечной точки, начинает находиться в новом месте — этот аспект ситуации в явном виде выражает источник ‘попасть’. В случае же работы важно не новое место, а собственно момент контакта субъекта с конечной поверхностью (т. е. поручения с исполнителем — иными словами, собственно выдача поручения) — этот контакт, в свою очередь, подчеркивается семантикой глагола ‘удариться’.

В то же время тонкие различия, которые иногда обнаруживают метафоры, возникающие у глаголов собственно падения и лексем из смежных полей, позволяют проследить, какие фрагменты в рассматриваемых производных значениях обусловлены расхождением исходных ситуаций — в частности, тем, что у агульских глаголов отсутствует идея вертикального перемещения (ср. обсуждавшееся выше ограничение на расположение источника звука в японском).

10. Заключение

Таким образом, примечательным свойством агульской лексической системы является отсутствие в ней специализированных глаголов падения.

Несмотря на эту — довольно экзотическую — особенность, структура поля падения в агульском полностью согласуется с закономерностями лексикализации этой зоны, выявленными в типологической перспективе.

Как мы показали, агульский реализует дистрибутивную модель лексической организации поля: из четырех фреймов, которые могут покрываться общим глаголом падения, здесь лексически объединяются только два — ‘падение с высоты’ и ‘открепление’. Для описания этих ситуаций используется корень *-arxas* ‘попасть’. Каждый из остальных двух фреймов задействует сразу несколько глаголов, выделяя ряд более специальных ситуаций. В зоне ‘потери вертикальной ориентации’ отдельными средствами кодируется нейтральное падение человека (корень *-urq'as* ‘удариться’), падение человека навзничь (*al- κ -adarkas* ‘SUPER-UP-двигаться’) и падение неодушевленного объекта, совмещаемое с падением человека набок (*al-at'ṛ'as* ‘SUPER-оторвать’). К ситуации ‘разрушения’ могут применяться глаголы *ṣ'was* ‘идти’, *ajč'was* ‘выходить’ и *-uq'as* ‘сесть’ — здесь выбор конкретного средства зависит от степени и характера повреждения.

Из приведенного перечня видно, что в тех фрагментах семантического пространства, где в других языках могут использоваться глаголы падения, агульский прибегает прежде всего к лексемам, называющим смежные ситуации. Так, падающий субъект ‘падает’ куда-л., обо что-то ‘ударяется’, вертикально ориентированный субъект ‘отрывается’ от поверхности и т. д. Примечательно, однако, что подобное заимствование смежной лексики для обозначения падения в той или иной степени характерно для всех языков нашей выборки: смежный глагол может выступать единственным средством описания той или иной подзоны поля или конкурировать с доминантным (см. подробнее статью Т. И. Резниковой, Е. В. Рахилиной и Д. А. Рыжовой «Глаголы падения в языках мира» в этом выпуске). С учетом этого агульская система оказывается не столь уж экзотичной — просто в ней тенденция к использованию смежной лексики доводится до своего логического предела: глаголы из других полей занимают здесь не отдельные участки, а всю семантическую область падения, не оставляя места для специализированных глаголов неконтролируемого движения вниз.

Как кажется, дальнейшее исследование такого рода смежности в типологической перспективе для разных полей позволило бы не только каталогизировать примыкающие друг к другу семантические области, но и значительно расширить существующие представления о механизмах метонимических переносов, которые обычно обсуждаются

преимущественно на именной лексике (ср., например, [Апресян 1974; Radden, Kövecses 1999]) или выделяют эффекты, связанные с результивной метонимией [Lakoff, Brugman 1988, Падучева 2004, Кустова 2004].

Однако лингвистические проявления смежности ситуаций имеют ценность и для типологического анализа метафор. Как мы видели, агульские лексемы развивают те же производные значения, что и глаголы падения в других языках. Очевидно, что это не случайное явление: сходство результирующей семантики для лексем, представляющих смежные семантические зоны, отмечалось и на другом лексическом материале в рамках проектов MLexT, см., например, о глаголах нахождения на поверхности воды и колебания в [Рахилина 2007]. При этом, как показывают агульские данные на общетипологическом фоне, сопоставление разных источников позволяет определить тот аспект их семантики, который является для них общим и, соответственно, отвечает за развитие общего метафорического значения. Иными словами, агульский материал может служить иллюстрацией того потенциала, который имеет исследование семантических сдвигов из смежных полей для понимания причин, определяющих выбор конкретных путей метафоризации лексики.

Список условных сокращений

A — показатель субстантивации атрибутивных основ; ADD — аддитивная частица; ADV — наречный показатель; ANTE — локализация ‘перед’; AOR — аорист; CONV — деепричастие; DAT — датив; DOWN — направление ‘вниз’; ELAT — элатив; ERG — эргатив; EXCL — эксклюзивное местоимение; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; IMP — императив; IN — локализация ‘внутри’; INF — инфинитив; INTER — локализация ‘между’; INTJ — междометие; IMP — имперфективная основа; LAT — латив; NEG — отрицание; OUT — направление ‘наружу’; PF — перфективная основа; PL — множественное число; POST — локализация ‘сзади’; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PRV — проверб; PTCP — причастие; RE — рефактивный префикс; SUB/CONT — локализация ‘под’/‘в контакте’; SUPER — локализация ‘сверху’; UP — направление ‘наверх’.

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.
- Кашкин 2013 — Е. В. Кашкин. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ. 2013.

- Кустова 2004 — Г. И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Майсак, Мерданова 2002 — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Система пространственных превербов в агульском языке // В. А. Плуныян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 251–294.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Рахилина 2007 — Е. В. Рахилина. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 76–105.
- Рахилина, Прокофьева 2004 — Е. В. Рахилина, И. А. Прокофьева. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 60–78.
- Рахилина, Прокофьева 2005 — Е. В. Рахилина, И. А. Прокофьева. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В. Н. Топоров (ред.). Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 304–314.
- Рыжова, Станкович 2018 — Д. А. Рыжова, М. Станкович. К проблеме внутригенетической типологии: поля 'искать' и 'находить' в русском и сербском языках // Д. А. Рыжова, Н. Р. Добрушина, А. А. Бонч-Осмоловская, А. С. Выренкова, М. В. Кюсева, Б. В. Орехов, Т. И. Резникова (ред.). ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной. М.: Лабиринт, 2018. С. 15–37.
- Brugman, Lakoff 1988 — C. Brugman, G. Lakoff. Cognitive topology and lexical networks // S. L. Small, G. W. Cottrell, M. K. Tanenhaus (eds.). Lexical ambiguity resolution. San Mateo, CA: Morgan Kaufman, 1988. P. 477–508.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. Constructions at work. The nature of generalization in language. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Lakoff, Johnson 1980 — G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Majid et al. 2007 — A. Majid, M. Gullberg, M. van Staden, M. Bowerman. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages // Cognitive Linguistics. 2007. Vol. 18. Iss. 2. P. 179–194.
- Radden, Kövecses 1999 — G. Radden, Z. Kövecses. Towards a theory of metonymy // K.-U. Panther, G. Radden (eds.). Metonymy in language and thought. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 17–60.

References

- Apresyan 1974 — Yu. D. Apresyan. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka) [Lexical semantics (synonymic means of language)]. Moscow: Nauka, 1974.

- Brugman, Lakoff 1988 — C. Brugman, G. Lakoff. Cognitive topology and lexical networks. S. L. Small, G. W. Cottrell, M. K. Tanenhaus (eds.). *Lexical ambiguity resolution*. San Mateo, CA: Morgan Kaufman, 1988. P. 477–508.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. *Constructions at work. The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Kashkin 2013 — E. V. Kashkin. *Zazykovaya kategorizaciya faktury poverkhnostey (tipologicheskoe issledovanie naimenovaniy kachestvennykh priznakov v uralskikh yazykakh)*. Diss. ... kand. filol. nauk [Language categorization of surface texture (a typological study of typology of quality words in the Uralic languages)]. Phil. cand. diss., Moscow State University]. Moscow, 2013.
- Kustova 2004 — G. I. Kustova. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. [Types of derivative meanings and mechanisms of language extension]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Lakoff, Johnson 1980 — G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Majid et al. 2007 — A. Majid, M. Gullberg, M. van Staden, M. Bowerman. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages. *Cognitive Linguistics*. 2007. Vol. 18. Iss. 2. P. 179–194.
- Maysak, Merdanova 2002 — T. A. Maysak, S. R. Merdanova. *Sistema prostranstvennykh preverbov v agulskom yazyke* [The system of spatial preverbs in the Aghul language]. V. A. Plungyan (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 2: Grammatikalizaciya prostranstvennykh znacheniy v yazykah mira* [Studies on the theory of grammar. Iss. 2: Grammaticalization of spatial meanings in the world's languages]. Moscow: Russkie slovari, 2002. P. 251–294.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.
- Radden, Kövecses 1999 — G. Radden, Z. Kövecses. Towards a theory of metonymy. K.-U. Panther, G. Radden (eds.). *Metonymy in language and thought*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 17–60.
- Rakhilina 2007 — E. V. Rakhilina. *Tipy metaforicheskikh upotrebleniy glagolov plavaniya* [Types of metaphorical uses of aqua-motion verbs]. T. A. Maysak, E. V. Rakhilina (eds.). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of aqua-motion: lexical typology]. Moscow: Indrik, 2007. P. 76–105.
- Rakhilina, Prokofieva 2004 — E. V. Rakhilina, I. A. Prokofieva. *Rodstvennye yazyki kak obyekt leksicheskoy tipologii: russkie i polskie glagoly vrashcheniya* [Related languages as an object of lexical typology: Russian and Polish verbs of rotation]. *Voprosy yazykoznanija*. 2004. No. 1. P. 60–78.
- Rakhilina, Prokofieva 2005 — E. V. Rakhilina, I. A. Prokofieva. *Russkie i polskie glagoly kolebatelnogo dvizheniya: semantika i tipologiya* [Russian and Polish verbs of oscillation: semantics and typology]. V. N. Toporov (ed.). *Yazyk. Lichnost. Tekst. Sb. k 70-letiyu T. M. Nikolayevoy* [Language. Personality. Text. Festschrift in honour of the 70th Birthday of T. M. Nikolayeva]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005. P. 304–314.

- Ryzhova, Stankovich 2018 — D. A. Ryzhova, M. Stankovich. K probleme vnutrigeneticheskoy tipologii: polya 'iskat' i 'nakhodit' v russkom i serbskom yazykakh [On the problem of intragenetic typology: the fields 'search' and 'find' in the Russian and Serbian languages]. D. A. Ryzhova, N. R. Dobrushina, A. A. Bonch-Osmolovskaya, A. S. Vyrenkova, M. V. Kyuseva, B. V. Orekhov, T. I. Reznikova (eds.). *EVRika! Sbornik statey o poiskakh i nahodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoy* [Collected papers on searching and finding in honour of E. V. Rakhilina]. Moscow: Labirint, 2018. P. 15–37.